

ОТЗЫВ

на диссертацию КУЗНЕЦОВОЙ Ольги Александровны
«Русские поэтические школы XVII века (жанровые формы и топика)»,
представленную на соискание ученой степени кандидата филологических наук
по специальности 10.01.01 — русская литература

Кандидатская диссертация Кузнецовой Ольги Александровны — попытка исследовать в полноте жанровое своеобразие и топик не одного какого-либо направления в стихотворных опытах древнерусской литературы XVII века, а поэтическое творчество писателей, принадлежавших разным школам, выявить сходство и отличие в их произведениях, рассмотреть особенности различных стихотворных жанров этого времени, наконец, проследить сам процесс становления раннего русского стихотворства.

Во Введении формулируется необходимый понятийный аппарат, обозначается объект исследования. Автор ставит перед собой задачу изучения влияния отдельных поэтических топосов на складывание жанровых форм, функционирования системы стихотворных жанров в рамках литературных школ, выявления общих закономерностей в развитии поэзии XVII века. При этом в диссертации не только обобщается опыт предшественников в этом вопросе, но анализируются и вводятся в научный оборот новые поэтические тексты, воспроизводимые соискательницей в Приложении (с. 153-175) по рукописному сборнику XVII века, что является несомненным достоинством работы.

Первая глава посвящена истории и проблемам изучения русской поэзии XVII века. Здесь дан обзор научных трудов, где так или иначе затрагивалась эта тема (отметим попутно, что в библиографии, насчитывающей почти 150 наименований, кроме научных исследований обстоятельно перечислены публикации текстов, начиная с XVII столетия). Интересно, что автор не просто рассматривает историографию вопроса, а включает ее в контекст развития самого древнерусского стихотворчества накануне Нового времени — от сочинений представителей Приказной школы до поэзии старообрядцев и последователей Симеона Полоцкого. В результате, соискательница приходит к выводу о перспективности дальнейшего изучения поэзии этого времени в самых разных аспектах: введение в научный оборот неизвестных текстов, их всестороннее описание и популяризацию, наконец, создание развернутой истории поэтических школ XVII века как предпосылку для более глубокого понимания всего историко-литературного процесса в России.

Во второй главе анализируются особенности художественного метода стихотворцев XVII века. Три основные раздела этой главы посвящены ведущим поэтическим школам столетия — Приказной, Новоиерусалимской и Выговской. Во вступительных параграфах рассмотрен процесс отделения стиха от прозы и становления

авторского самосознания, нашедшего отражение в виршах, наряду с пониманием возможностей, открываемых новыми литературными формами, и ощущением некоей обособленности, избранности поэтического круга. Последнее, по мнению автора, явилось «важным фактором для образования поэтических школ». Возможно, это и сыграло какую-то роль, однако, как представляется, ведущим для перечисленных школ был социально-исторический фактор, определявший особенности их поэзии: к первой школе относилась образованная интеллигенция московских приказов, у которой на первый план выдвигались знания, ученость, остроумие; для монахов Новоиерусалимской школы, впитавших в себя все богатство литургических песнопений и текстов Священного Писания, основополагающей становилась образная христианская символика, в значительной степени связанная с темой Воскресения; у авторов Выговской школы, осознающих себя страдальцами за веру и живущих как бы в преддверии Страшного Суда, важное место, особенно в ранних произведениях, занимали покаянные мотивы, определяющими становились образы Апокалипсиса.

В параграфах второй главы рассмотрены самые разные аспекты поэзии названных школ, дающие полное представление об их особенностях. Это и категория мудрости и остроумия, формульность, эстетическая составляющая и компилятивность в творчестве поэтов Приказной школы. И наоборот, отказ от формульности, включенность в символическое прошлое, эмоциональность, повествовательность, контрастная образность в поэтических опытах Новоиерусалимской школы. Наконец, категории преемственности и просвещенности, преломление литературных и фольклорных традиций в поэзии Выга.

Однако обращение к столь различному и огромному по объему материалу приводит к тому, что, наряду с обстоятельным и глубоким раскрытием заявленных тем, некоторые параграфы приобретают тезисный характер (§ 2.2.3. Эстетическая составляющая – с. 33). Порой не получают достаточной аргументации высказываемые предположения (о взаимосвязи виршей и азбуковников – с. 45). Неоправданными кажутся и произвольные сравнения, допускаемые иногда автором: так, обращение новоиерусалимских стихотворцев «к небесным заступникам в начале стихотворных текстов» уподобляется тому, «как поэты древности обращались к музе» (с. 63). Хотя в самом приведенном далее поэтическом обращении к великомученику Георгию звучат слова, подсказывающие, что прямые аналогии следует искать в молитвах («научи молению»), а не в античной поэзии. И наоборот, привлечение для сопоставления некоторых богослужебных текстов не вполне корректно. Так, нельзя говорить ни о каком, даже слабом, заимствовании из Акафиста в стихотворении, посвященном Алексию, человеку Божию (с. 74), так как Акафист этому святому был создан только в XIX веке.

Или в третьей главе, рассматривая жанр стихотворного послания, автор пишет: «Подобно поэтам XIX века, посвящавшим послания зоилам-критикам и иным «врагам», авторы XVII века адресовали вирши в форме посланий также к недругам...» (с. 97-98), что невольно нарушает хронологические связи.

В то же время, при детальном и обстоятельном рассмотрении контрастной образности поэтических творений Новоиерусалимской школы явно не хватает отсылки к литургическим текстам и Акафисту Воскресению Христову, хотя автор и обращает внимание на появление устойчивых рифм со словом «радость» (с. 75). Наполненность этой поэзии «светлой надеждой» и метафорами, связанными «с солнцем, зарей, лучами, звездами» (с. 74), определяется именно пасхальной тематикой, так как и сам Новоиерусалимский монастырь посвящен Воскресению Христову. Известно, что в гимнах, строившихся по образу Акафиста Пресвятой Богородице, херетизмы в икосах объединяются попарно, соотносятся ритмически, нередко рифмуются. Кроме того, для них характерно применение параллелизма, синонимии, антитезы, встречающихся и в поэзии новоиерусалимских авторов.

Иногда в работе допускаются некорректные сопоставления текстов. Так в предпоследнем параграфе второй главы текст стихотворения XVII века сравнивается с библейским, но не на церковно-славянском языке, а в русском переводе (с. 81), что текстологически неверно. Или в третьей главе (с. 119) при упоминании Акафиста Честному Кресту делается отсылка к «Малой подорожной книжице» Франциска Скорины напечатанной в 1522 году (за сто лет до появления Приказной школы стихотворцев!), в то время как этот текст неоднократно публиковался в XVII веке в составе акафистников и канонников, выпускавшихся типографиями Киева, Вильно, Могилева.

Третья глава, посвященная жанровым формам книжной поэзии XVII века, встречающимся в творчестве разных школ, состоит из двух разделов. В первом рассматриваются классические жанры, к которым автор относит стихотворные послания, предисловия, эпитафии. Во втором определяется влияние топосов на формирование нестабильных жанровых структур: азбучных и крестообразных стихов, виршей о смерти. И если одним жанрам в литературоведении уже уделялось немалое внимание, то другие пока оставались почти неисследованными. Этот пробел в значительной мере восполняется данной работой. Жанрообразующими топосами в классических жанрах, по мнению автора, стали текстообразующие формулы: для посланий – формулы, характерные для дружеской поэзии, и так называемые формулы-«закрепки», для предисловий – мозаичность и декоративность текста, для эпитафий – прямое обращение к читателю.

Особый интерес представляет развернутый параграф, посвященный нестабильным жанровым структурам. Анализируя азбучные стихи, соискательница показывает их принципиальное отличие от виршей с краегранесием, хотя те и другие ориентированы на подчеркнутое значение начального слова в строке. В стихотворениях о Кресте она обращает внимание на анафоры и параллелизм, далее подробно останавливается на становлении жанра стихотворной притчи. Наиболее глубоко ею исследуются вирши о смерти, где она выделяет несколько уровней понимания образа, отмечает влияние переводных памятников европейской литературы, прослеживает использование мотива смерти в сочинениях разных жанров.

Однако, небезосновательно указывая на воздействие европейских веяний на русскую поэзию XVII века, соискательница иногда недооценивает роли молитв, литургических текстов и Священного Писания, которые любым грамотным человеком Древней Руси впитывались и усваивались с детства. В результате, при периодическом упоминании Библейских книг, без комментариев иногда остаются важные цитаты. Так, например, слова из архангельской песни Пресвятой Богородице («Достойно есть») неслучайно открывают предисловие к «Мусикийской грамматике» (с. 107): автором этой молитвы является крупнейший византийский гимнограф Косьма Маюмский, а сама молитва постоянно звучит и во время богослужения, и в келейном правиле.

Вряд ли можно согласиться с предположением автора о том, что «мотивы приобретения людьми звериных черт» могли восприниматься «в контексте поверий об оборотничестве» (с. 125). Очевидно, что образы хищного волка, рыкающего льва, змеи – порождения ехидны – имеют книжные источники, а точнее – новозаветные тексты. Так, образы коня, сдерживаемого уздой, корабля, управляемого кормилом, языка, способного к добру и злу – все восходят к апостольским посланиям, а «камень прибежище заяцем» – прямая цитата из Псалтири. Это вполне естественно для людей образованного круга, к которым относились стихотворцы рассматриваемых школ. И соискательница очень верно подмечает, говоря о стихотворных дружеских посланиях, что «в виршах XVII столетия образ огня, горящего сердца почти никогда не связан с темой грешной любви-страсти» (с. 100). Но, к сожалению, далее и этот образ не связывается ею с хорошо известным евангельским эпизодом: «не сердце ли наю горя бе в наю» (Лк. 24.32).

Однако повторим, что объем исследуемого материала, конечно, не позволяет одинаково тщательно рассмотреть все произведения. К тому же при подведении итогов в Заключении лаконично и точно расставлены все акценты, выделено главное, что создавало своеобразие каждой из школ, и обозначены общие литературные тенденции XVII столетия. Высказанные замечания совершенно не умаляют заслуги

исследовательницы в проведенном ею обстоятельном анализе жанровых форм русской поэзии на начальном этапе ее становления. Более того, в Заключении намечаются дальнейшие перспективы исследования, которые позволят, с одной стороны, шире охватить поэтический материал, в равной степени уделив внимание различным жанровым формам, с другой – выявить глубинные связи с другими литературными явлениями, что, конечно, трудно было сделать в рамках кандидатской диссертационной работы.

Материалы и выводы диссертации могут быть использованы при составлении общих и специальных курсов по истории древнерусской литературы и теории литературы, включены в учебные и учебно-методические пособия по соответствующей проблематике. Выявленные соискательницей по рукописным сборникам неизвестные поэтические тексты, включенные в Приложение, можно рекомендовать подготовить для публикации.

По теме диссертации был сделан ряд докладов, опубликовано одиннадцать статей (2013-2015 гг.), в том числе четыре – в рецензируемых научных изданиях. В публикациях и автореферате диссертации в полной мере отражены содержание работы, ее основные положения и выводы.

Диссертация Кузнецовой Ольги Александровны «Русские поэтические школы XVII века (жанровые формы и топика)» соответствует п. 9, 10 «Положения о присуждении ученых степеней» ВАК РФ. Она является серьезным филологическим исследованием, выполненным на высоком научном уровне, отличается чистотой стиля и хорошим литературным языком. Изредка встречающиеся в тексте опечатки, незначительные стилистические шероховатости и неточности, которые указаны автору, в целом не снижают положительного впечатления от диссертации, автор которой вполне заслуживает искомой степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.01 – русская литература.

Зав. сектором рукописных и старопечатных книг
Центрального музея древнерусской культуры и
искусства имени Андрея Рублева,
кандидат филологических наук

Л.И.Алехина

	Алехиной Л.И.
Подпись	Ф.И.О.
Заверяю:	
Начальник общего отдела	
	Богданов В.В.
Подпись	Ф.И.О.

Сведения об оппоненте

Алёхина Лариса Ивановна

кандидат филологических наук, зав. сектором рукописных и старопечатных книг Центрального музея древнерусской культуры и искусства имени Андрея Рублёва

Адрес: 105120, г. Москва, Андроньевская площадь, д.10

Телефон: (495) 678-14-89

Email: smiar@mail.ru

Список публикаций по теме диссертации

1. Алехина Л. И. Традиции басенного жанра в творчестве Антиоха Кантемира // Антиох Кантемир и русская литература. – М., 1999. С. 20-34.
2. Алехина Л. И. Гимнографическое творчество XVII века (на примере службы благоверному князю Даниилу) // Могилянські читання 2003: 36. наукових праць. – Київ, 2004. С. 10-17.
3. Алехина Л. И. Мотив Святой Троицы в службе преподобному Афанасию Высоцкому Кариона Истомина // «Историческая поэтика» А. Н. Веселовского: актуальные проблемы и перспективы изучения: Сб. статей. – М., 2008. С. 45-52.
4. Алехина Л. И. О Службе благоверному князю Даниилу Московскому Кариона Истомина // Даниловские чтения: Материалы I и II науч. конференций, посвященных 25-летию возрождения Данилова монастыря. 2008-2009. – [М.], 2010. С. 27-41.
5. Алехина Л. И. Исторические реалии и литературная форма в «Слове о житии преподобного Афанасия Высоцкого» Кариона Истомина // X Филевские чтения: Тезисы конференции. – М., 2010. С. 3-5.
6. Алехина Л. И. «От пречестнаго корене израсте ветвь преславная...» (о гимнографическом образце Службы благоверному князю Даниилу Московскому середины XVII века) // Воинство земное – воинство небесное: Материалы XVIII Рос. науч. конференции, памяти свт. Макария. – Можайск, 2011. С. 338-358. (Макариевские чтения. Вып. 18).
7. Алехина Л. И. Синодики Иосифо-Волоцкого монастыря в собрании Музея имени Андрея Рублева // Преподобный Иосиф Волоцкий и его обитель: Материалы научно-практической конференции, посвященной 530-летию основания Иосифо-Волоцкого монастыря. – М., 2013. Вып. 2. С. 319-339.
8. Алехина Л. И., Башлыкова М. Е. Собрание рукописей // Сокровища Валаамского монастыря. – Ново-Валаамский монастырь в Финляндии, 2013. С. 63-91.
9. Алехина Л. И. Путешествие в Святую Землю Никанора Москвитина: записки монаха-иконописца // Православие и священная государственность: Материалы XXI Рос. Науч. конференции, посвященной памяти свт. Макария. – Можайск, 2014. С. 61-71. (Макариевские

чения. Вып. 21).

10. Алехина Л. И. Рукописи из библиотеки Саровской пустыни // Преподобный Серафим Саровский в историко-культурном и художественном наследии России. – М., 2015. С. 44-63.
11. Алехина Л. И. Лествица 1510 года из Иосифо-Волоколамского монастыря в собрании ЦМиАР // Преподобный Иосиф Волоцкий и его обитель. – М., 2015. Вып. 3. С. 257-268.
12. Алехина Л. И. К вопросу о работе иеромонаха Пахомия Логофета над последней редакцией «Жития Сергия Радонежского» // Литература Древней Руси и Нового времени: Сб. материалов VIII научно-практической конференции, посвященной памяти Н.И.Прокофьева. – М., 2016. С. 11-28. [Электронный ресурс].